

Поэтическая
библиотека

ТЕТРАДЬ
В КЛЕТКУ

АЛЕКСЕЙ
У Л Ю К А Е В

Алексей Валентинович Улюкаев
Тетрадь в клетку.
Книга стихотворений
Серия «Поэтическая
библиотека (Время)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69188701*

*Тетрадь в клетку. Книга стихотворений. Сборник стихов: Время;
Москва; 2023*

ISBN 978-5-969-1-2367-0

Аннотация

Это четвертая книга стихов Алексея Улюкаева, но никак не очередная. Скорее досрочная, и даже условно-досрочная: написана в заключении, издана сразу по выходе из колонии после истечения шести лет, двух третей срока. Книгу Улюкаев не «выстраивает», он сохраняет хронологию неволи. От стиха к стиху, от года к году он проходит горький и сложный путь, в конце которого остается убежденность в том, что в жизни по-настоящему ценны «только любовь и свобода». Это совсем не тюремное бытописание. Поэт смотрит «поверх шконок», в его стихах много глубоких размышлений о душе, о творчестве, о природе добра и зла. Пушкина, Данте, Тютчева, Мандельштама

вполне можно считать его сокамерниками – так часто он к ним обращается. Задолго до выхода этой книги Алексей Улюкаев сказал:

«Мне нравится такое определение: блюз – это когда хорошему человеку плохо. А стихи – это когда хорошему человеку очень плохо». Пожалуй, таково одно из главных условий сохранения личности в любых условиях, а особенно в тех, которые к этому не располагают: видеть себя хорошим человеком. Тогда получается и хорошая книга – как эта.

Содержание

«Если слева закат Европы тебя слепит...»	9
«Капель продолбит лёд, и рыбы...»	10
«Уронишь голову в запястья...»	11
«Тюрьма влечёт к суровой прозе...»	12
«Я надеюсь, пока дышу...»	13
«Как же хочется жить...»	14
«Белый снег в чёрной грязи находит конец...»	15
«И снова шарик обернулся...»	16
«Мои любимые! Родня...»	17
«До декабря ещё далёко...»	18
«Они от счастья чуть не плачут...»	19
«Распивочно, навынос тож...»	20
«Земля, как боксёр из нокдауна...»	21
«Мы стоим – поодиночке, по двое...»	23
«Мы стоим у нашего барака...»	24
«Нарядный, словно новобранец...»	25
«Сон кончился. Пора проснуться...»	26
«Кто воевал, имеет право...»	27
«Итожу то, что прожил – лажа...»	29
«Ларёк (ведь зеки жаждут пищи!)...»	30
«Они сейчас на спортплощадке...»	31
«Твой дом – тюрьма. Гостеприимно...»	32
«Природа ожила. И, говорят, досрочно...»	33

«За рядом ряд проходит по апрелю...»	34
«Проснувшись поутру, ты видишь измененья...»	35
«Окошки вымыли и небо отстирали...»	36
«Жара, как в печке, в этой фуфе...»	37
«Солнце светит прямо в глаз...»	38
«Придёт пора – сорву замки...»	39
«Чтоб впасть в конце концов, как в ересь...»	40
«Когда в колонии Чайковский...»	41
«Зачем амнистия тому...»	42
«Зек время меряет рулеткой...»	43
«Достанешь книгу из комода...»	44
«Появление маленькой травки...»	45
«Ростки нарциссов и тюльпанов...»	46
«Как в детстве мама мыла раму...»	47
«Исход снегов, разливы рек...»	48
«Сознание живёт вне времени и стен...»	50
«Вот тридцать три богатыря...»	51
«Солнцепоклонники на лавках...»	52
«Вот безупречный водоём...»	53
«Обученный бежать в мешке...»	54
«Луна висит над горизонтом...»	55
«Воскресный день. Из серой тучи...»	57
«Страстей и горестей неделя...»	58
«Мать-мачеха – карикатура...»	59
«Понятно, что конец апреля...»	60
«Скажи мне, сорная травинка...»	61

«Мы отдаём ли в том отчёт...»	62
«Листок, что от ветки на Марьиной роще...»	64
«Зреет год, как помидор...»	65
«Когда он шёл к Ершалаиму...»	66
«Будь академик или князь...»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

**Алексей Валентинович
Улюкаев**

Тетрадь в клетку
Книга стихотворений

Тем, кто меня ждал и верил

* * *

© А. В. Улюкаев, 2023

© «Время», 2023

* * *

Поэтическая
библиотека

ТЕТРАДЬ
В КЛЕТКУ

АЛЕКСЕЙ
УЛЮКАЕВ

«Если слева закат Европы тебя слепит...»

Если слева закат Европы тебя слепит,
Если справа теснят раскосые богдыханы,
Если сверху течет арктических вод Аид,
Значит ты в России и будешь, давясь стихами,

Точно волчьей желчью, выкрикивать панегирик
Этой мерзлой почве, где панство не приживется,
Где всегда на ногах по четыре гири,
Где плюешь в колодец. И все-таки пьешь из колодца.

«Капель продолбит лёд, и рыбы...»

Капель продолбит лёд, и рыбы
В волнах привольно поплывут
Из-под заледенелой глыбы,
Поверх барьеров и запруд.

И, скинув чешую, как лепень,
Вдруг молодцами обернутся...
Предположение нелепое,
Как жизнь, нелепая и куцая.

«Уронишь голову в запястья...»

Уронишь голову в запястья
И осознаешь, что теперь нельзя
Жить, не распахиваясь настезь,
Не превращаясь пешкою – в ферзя.

Ты весь уже в восьмой горизонтали,
В которой уместился горизонт.
А тени потускнели и растаяли,
К тому имея собственный резон.

Но в свете дня шагай ферзём бесстрашно
По этой длинной и прямой дороге
И разрешения не спрашивай
Ни кесаря, ни бога.

«Тюрьма влечёт к суровой прозе...»

Тюрьма влечёт к суровой прозе:
Чего бы, кажется, Журден
Ей говорил, вставая в позу.
А тут, излишества взамен

Роскошной рифмы русской речи —
Нарежут пайку языка,
Как будто волкодав на плечи
Бросается через века,

До шеи жертвы дотянувшись,
Чтоб из артерии глагол,
Вскипая, жёг людские души,
Чтоб он как есть, и бос, и гол,

Бесхитростно стучался в двери —
И в том была б благая весть
Из сотен разных русских мест.
Да хоть, пожалуй что из Твери.

«Я надеюсь, пока дышу...»

Я надеюсь, пока дышу,
Я люблю, пока я живой.
С милой рай в шалаше. К шалашу
Пусть доставит меня конвой.

Автозак и столыпин пусть
Увезут на зелёный свет.
Мне один – хоть не Млечный – путь,
Мне один – хоть *one-way* – билет.

На колючку – кусачки. На
Часового – глубокий сон,
И не будет ему кина —
Пусть во сне: приговор, вина,
Шпалы, рельсы, конвой, вагон.

А в берёзах – зелёный шум
Над моей седой головой.
Я надеюсь, пока дышу.
И пока люблю, я живой.

«Как же хочется жить...»

Как же хочется жить!
Вечным жидом ли, эллином вечным.
Подправлять Парки нить,
Всякой всячине мчаться навстречу,

Улетать далеко,
Навзничь падать на склизком,
Утирать молоко
С Млечных троп, уходить по-английски,

И опять приходить
По-еврейски, а может – по-русски.
Как же хочется жить:
Есть и пить, слушать музыку —

Голоса сыновей,
Голос дочери.
И с женой сторожить её сон у дверей
По очереди.

«Белый снег в чёрной грязи находит конец...»

Белый снег в чёрной грязи находит конец,
Всё, что видишь, родное, а значит – красивое.
Ты стоишь – властелином кандальных колец —
В самом центре огромной и вечной России.

Запад влагу несёт, запах дали и странствий,
На Востоке – светило (космато, как Маркс),
И колючка как знак богом избранной власти
Разрослась, словно в Мексике кактус.

Снег растает – что с Запада, то и непрочно.
Влага высохнет. Глина тверда, словно вера
Миллионов в зачатие непорочное
ЭрЭфа от эСэСэСэРа.

«И снова шарик обернулся...»

И снова шарик обернулся
Вокруг одной из многих звёзд.
Ты жив ещё? Проверка пульса.
Эритроциты, вес и рост —

Всё как положено у смертных.
Пока ещё Курилка жив,
Пока для вскрытия конверта
Не зван нотариус, и миф

Ещё в некролог не сложился,
Пусть шарик рвётся из орбит.
А дни рожденья – просто числа,
Обычные, как простатит.

«Мои любимые! Родня...»

Мои любимые! Родня!
В вас множусь я и Гулливером
Средь лилипутов выйду я
Из этой горестной пещеры.

В вас сила, в вас моя душа.
В вас отрицанье самой смерти.
Плевать, что тело, не дыша,
Лежит на паперти. Поверьте,

Я вечен, я всегда живой,
Мой ясен ум, и голос звонок,
Покуда младший мой потомок
Вздывает мир над головой!

«До декабря ещё далёко...»

До декабря ещё далёко:
Спи без просыпу, декабрист,
В любом собранье одинокий,
Как в роще лист.

Ты тоже выходил на площадь
И, принимая в грудь картечь,
Среди полегшей этой рощи
Сумел сберечь

Вольнолюбивое дыханье,
Сомненье, что «не мир, но меч»,
Всегда чреватую стихами
Родную речь.

И в час собранья на Сенатской
Ты снова выйдешь за предел
И крест поймашь не на лацкан —
На тело в груди тел.

«Они от счастья чуть не плачут...»

Они от счастья чуть не плачут,
Для радости – любая малость.
Дождались зеки передачи,
Хотя свободы не дождались.

Они колбасные обрезки
Вздымают на манер хоругви.
Последняя свобода – трескать,
Обмазывая жиром губы.

Но если кто-то есть над нами,
Пусть снизойдёт, дав знак потомкам,
Их накормить семью хлебами,
Пятью жестянками сгущёнки.

«Распивочно, навынос тож...»

Распивочно, навынос тож
За полуправду, четверть правды,
За тот, что ни на что ни гожд,
Обломок шпаги в теле Клавдия

Мы выставляем напоказ
И плоть, и дух – как в Эльсиноре —
Давно подслушанный рассказ,
Крупинки правды в разговоре.

Кровь кончилась, а жизнь идёт,
Жизнь кончилась, а кровь всё хлыщет,
Хоть знаем мы теперь насчёт
Ушка игольного и нищих,

Блаженных духом. Бедный Йорик!
Он, стало быть, в раю теперь?
...А правду, как касторка, горькую
Ни в дверь не выгонишь, ни в Тверь.

«Земля, как боксёр из нокдауна...»

Земля, как боксёр из нокдауна,
Пытается на ноги встать,
Как будто бы вновь никогда она
Не будет под снегом лежать,

Не будет пробита мерзлбтами
(Не вечными, только почти),
А вешние дни – видишь, вот они.
Чуть-чуть запоздав на пути,

Пришло избавленье из плена
(Египет, но снежно-морозный).
Боксёр привстаёт на колено,
Стряхнув с себя ключья наркоза,

Струхнув, устремляются льдины
Измерить простор голубой
Туда, где, почти что не видимый,
Ведёт по этапу конвой

Весну из ШИЗО на просторы
Родимых тюремных широт.
И всё-таки здорово, здорово,
Что стужа надолго уйдёт!

«Мы стоим – поодиночке, по двое...»

Мы стоим – поодиночке, по двое,
Кто-то курит, кто-то говорит.
Это – утро, доброе и бодрое,
Явно не тюремное на вид.

Выползли на волю из барака
Дети подземелья, нищета
Духа, словно долго ждали знака,
И дождались: небо, красота,

Пар земли, бесплотное дыхание,
Каждый рад и хочет крикнуть: рад!
Кто-то даже говорит стихами.
А другие – матом говорят.

«Мы стоим у нашего барака...»

Мы стоим у нашего барака,
Ожидая, чтобы добрый бог
Нам явил каким-то тайным знаком,
Будет ли желаемый итог

Нашим бедам? Будут страстотерпцы
Выведены к свету через мрак?
Будет ли изношенному сердцу
Отдых? Это вроде бы пустяк —

Луч, мелькнувший сквозь разрывы тучи,
Обещает сразу слишком много:
Обещанье жизни самой лучшей
Прямо от всевидящего бога.

«Нарядный, словно новобранец...»

Нарядный, словно новобранец,
Стоит, сияя со всей дури,
Весна ему подносит пряник,
Облитый солнечной глазурью.

Кусает, ахает счастливо
В восторге полном от погоды.
И он красив, и всё красиво
За 300 суток до свободы.

«Сон кончился. Пора проснуться...»

Сон кончился. Пора проснуться,
Прийти в объятия Мойдодыра,
Лицом – на улицу, где куцый
И кислый, как глоток кефира,

Остаток ночи свой закончит
Определённый свыше срок.
А день пока ещё не прочен,
Он весь пока ещё – Восток.

Сон кончился. А что начнётся,
Неведомо ни мне, ни вам.
Пока же чистая эмоция
Царит, как должно по утрам.

«Кто воевал, имеет право...»

Кто воевал, имеет право,
А кто сидел, тому вдвойне
Права нарезаны державой.
И на войне – как на войне:

Здесь не берут военнопленных —
Заложники, рабы и скот —
Константа. Хочешь переменных,
Ищи их там, где круглый год

Весна. Под вечной мерзлотою
Здесь пайка, словно Пётр, тверда.
За то и ценятся, за то и
Свобода, равенство, еда

Здесь ощущаются сильнее,
Чем на разливе вешних вод.
Кто воевал, летал во сне, и
Те, кто сидел, – наоборот.

Рождённый срок мотать в России
Над пайкой не прольёт слезу,
Он ложью глаза не косил, и
Не продается за мазут,

За злато, за корзинки пищи,
За место возле алтаря,
За всё, что имут духом нищие.
Его подманивают зря

Хвалёной сахарной отравой,
Валящей смертных навзничь с ног.
Кто воевал, имеет право,
Тот, кто сидел, имеет долг.

«Итожу то, что прожил – лажа...»

Итожу то, что прожил – лажа!
Что нажил: просто пустяки —
Потери, вымыслы, пропажи
И шишки. Ну и синяки.

В балансе ноль, а то и минус,
Банкротство, кризис, полный крах,
Как будто бог Адама в глину
Решил вернуть, спуская страх

Как Цербера с цепи. И Цербер
Готов свой подвести итог:
Чем ближе цель, тем крепче нервы,
Чем дальше, тем... Помилуй бог!

«Ларёк (ведь зеки жаждут пищи!)...»

Ларёк (ведь зеки жаждут пищи!)
И солнце витамином D
Снабжают щедро духом нищих,
Не пригодившихся нигде,

Не преуспевших, но взалкавших
Кефира, пряников, сгущёнки —
Не репродукторов, не маршей,
Столь же бессмысленных, сколь громких.

И солнце, понимая это,
Бесплатно льёт свой сытный свет.
Жить хорошо на этом свете!
Кто скажет «нет»?

«Они сейчас на спортплощадке...»

Они сейчас на спортплощадке,
Они как дети, словно в школе,
С уроков убежав украдкой,
Резвятся вволю.

Гантели, гири – самоделки,
Не Adidas на них, не Nike,
А *положняк*. И все же – Welcome!
Им солнце дарит добрый знак:
Добро пожаловать, бедняк!

«Твой дом – тюрьма. Гостеприимно...»

Твой дом – тюрьма. Гостеприимно
Раскроет двери этот дом,
Своею ипостасью жирной
Вдруг обернётся стол и корм.

А вот и скатерть-самобранка:
Сама бранит – хоть выноси
Святых. Что всё здесь наизнанку,
Совсем не новость на Руси.

«Природа ожила. И, говорят, досрочно...»

Природа ожила. И, говорят, досрочно.
Что мёрзло долгий срок, внезапно отогрелось.
Собаки, люди, кошки и все прочие
На солнце выбирают несмело,

И носом шевелят, и свежий запах ловят,
Одной весне, наверное, присущий,
И удивлённо вскидывают брови,
Завязнув по колено в грязной гуще.

Долой одежды тёплые на вате!
Ушную вату извлекаем тоже.
О боже, мы ни в чем не виноваты!
Пусти нас на свободу, добрый боже!

«За рядом ряд проходит по апрелю...»

За рядом ряд проходит по апрелю,
Как по шоссе, – и широко, и в ногу,
И в каждом ряде все, конечно, рады,
И уступают все весне дорогу.

Грачи, врачи и с ними местный опер
В едином хоре воспевают бога.
И даже тот, кто и портянки пропил,
Сияет, как подсолнухи Ван Гога.

«Проснувшись поутру, ты видишь измененья...»

Проснувшись поутру, ты видишь измененья,
Как будто не спала природа этой ночью:
Какие-то несмелые растенья
Макушками пронизывают почву.

Они готовы к жизни бесконечной.
То есть до осени. Желаю им удачи!
Природа нас не учит и не лечит,
Не рассмешит и даже не заплачет,

Но приглашает к долгим размышленьям,
К которым ты приступишь не иначе
Как поутру, увидев измененья
И формулируя условия задачи
О жизни, как покое и движенье.

«Окошки вымыли и небо отстирали...»

Окошки вымыли и небо отстирали,
Глаза протёрли, зоркость увеличив.
Пускай развитие проходит по спирали,
Взгляд по прямой найдёт свою добычу:

Вот мухи (иль снежинки почернели?),
А вот клочки потрёпанные тучи,
Вот кто-то издаёт такие трели,
Что далеко оркестрам самым лучшим.

Мы празднуем, раз праздновать решили,
Пусть нас загнали даже за Можай,
Поскольку превращаются могилы
В подножия для грядок и лужаек.

«Жара, как в печке, в этой фуфе...»

Жара, как в печке, в этой фуфе,
Под мышкой плавится руда,
В весенней, но походной кухне
Вскипает кровь, а не вода,

И ты подобьем эскалопа
Засунут меж слоями солнца,
И пот течёт до самой жопы,
Бежит, хотя никто не гонится.

«Солнце светит прямо в глаз...»

Солнце светит прямо в глаз —
До слезинки, до морщинки,
Словно в самый первый раз:
На пожухлом фотоснимке

Мальчик. Середина века
Прошлого, но солнце то же
Освещает человека.
Человек же строит рожи,

Улыбается, бормочет
Чёрт-те что себе под нос:
Что не будет больше ночи,
Ежели захочешь очень,
То уйдёшь отсюда прочь и...
...Насмешил себя до слёз.

«Придёт пора – сорву замки...»

Придёт пора – сорву замки,
Решётки разорву руками,
Намажу салом башмаки —
И в путь. И бритвою Оккама

Ненужной сущности тюрьмы
Лишу картину мироздания.
Всё это будет ранней ранью,
Когда великие умы
Обычно спят, во сне летают
В опасной близости от рая.

«Чтоб впасть в конце концов, как в ересь...»

Чтоб впасть в конце концов, как в ересь,
Авторитетов не спросясь,
Сочтя, и взвесив, и измерив
И власть, и княжество, и грязь,

Пройди десяток царств великих,
Сотри десяток башмаков,
Пусть пробуют тебя на пики
Поднять – а ты и был таков!

Словарь храни в своей котомке,
Сумы не зарекаясь от,
Чтобы досужие потомки,
Не замечая кровь и пот,
Тобой пугали бы народ.

«Когда в колонии Чайковский...»

Когда в колонии Чайковский
Звучит как надо – в полный голос,
Ты чувствуешь, что кесарь (бог с ним!)
Не сможет ни единый волос

С твоей низвергнуть головы.
Нет, не бывать сему компоту,
Покуда складывает ноты
Чайковский! А не то – увы!..

Когда в колонии Бетховен
Звучит, налит весёлой силой,
Тебя несут, как в бочке, волны
Всё ближе к милой
И всё дальше
От злобы, алчности и фальши.
И от могилы.

«Зачем амнистия тому...»

Зачем амнистия тому,
Кто легче шарика воздушного.
Она – ни сердцу, ни уму,
Материя довольно скучная.

Он улетит, не зная брода
Через течение небес.
Ни от царя, ни от народа
Он не зависит, словно бес.

А может, ангел? Иль журавль?
Пусть ждёт амнистию синица,
А он свой лёгкий лёт направит
За грани словно за границу.

Пусть адвокат синицу кормит
В руках страницами УК —
Истлеют правильные нормы,
Но нету тлена в облаках.

«Зек время меряет рулеткой...»

Зек время меряет рулеткой,
А там и красное, и чёрное,
И чёт, и нечет. Выигрыши редкие,
Их алгоритмы – просто вздорные.

Для зека время – материально:
Он взял пять лет, а два – оставил,
И вьёт гнездо он из оставленного,
Пусть без ума, идей и правил.

И до звонка ему семь стирок —
Всё чище ближнее пространство.
Не время властвует над миром,
А вечность, то есть постоянство.

«Достанешь книгу из комода...»

Достанешь книгу из комода,
А в ней подчёркнуто: NB!
Что тема старая – страдания народа.
Ну вот и заруби себе

Хоть на носу, хоть где угодно:
Когда страдает твой народ,
Тематику страдания народного
Скрывать не следует в комод.

«Появление маленькой травки...»

Появление маленькой травки,
Первой зелени, дщери апреля,
Избавляет от Кафки,
Мягко стелет

Трава молодая. Жёстко спать.
Сны на шконке, как камни.
Прометей не воротится вспять
Из истории давней.

Но трава камень точит,
Пробивает тюремный бетон,
Первой тёплою ночью
Лезет с разных сторон —
С точки зренья ворон
И с моей точки зренья, —
Нет преград для растенья!

«Ростки нарциссов и тюльпанов...»

Ростки нарциссов и тюльпанов
Пробились через слой земли,
Как пар из чайного стакана,
Как князь Гвидон из бочки, рано
На волю вырваться смогли.

И вот они на самом деле
В режима строгого тюрьме.
...Так все мы намечаем цели,
А путь к ним проторён во тьме.

И так легко во мраке спутать
Свободу с худшей из неволь,
Святую воду – с жижей мутной.
Лишь боль не спутаешь. Лишь боль.

«Как в детстве мама мыла раму...»

Как в детстве мама мыла раму,
Так зеки тоже раму трут
И вспоминают папу, маму,
Сестрёнку, брата. Этот труд

Стал нитью памяти. И праздник
Сквозь стёкла ломится в барак,
И сто воспоминаний разных
Пришли и дразнят. Так и сяк

Мужские руки драят окна,
Тем попирая светом тьму.
И стёклышки в разводах мокрых
Преображают вдруг тюрьму.

«Исход снегов, разливы рек...»

Исход снегов, разливы рек,
Возобновление иллюзий
Переживает человек
Сквозь душу, словно через шлюзы

Проводит образы весны,
Приметы жизни бесконечной,
Объедки на пирах честных,
Свидания, разлуки, встречи.

Одной ногой ещё во тьме,
Другой ступая в поле света
Отважно, держит он в уме
Все эти важные приметы.

По ним он судит: снова жизнь
Смогла, а как – необъяснимо,
Победу одержать. Лишь слизь
Осталась от зимы. И мимо

Несёт обрывки календарь.
И веришь, вправду нету смерти,
А есть декабрь и январь,
Есть холод, но не смерть. Поверьте

Мне на́ слово. Оно живёт.
Течёт река, и снег уходит.
И жизнь, как утро, настаёт,
Не зная брода, лезет в оды.

«Сознание живёт вне времени и стен...»

Сознание живёт вне времени и стен,
Пределами тюрьмы не кончено сознание.
Ты понимаешь: то, что рядом – тлен,
Но дальше тоже тлен. Всё мирозданье

В его глазах и пусто, и темно,
Как чёрная дыра, утеха астронома.
И старые меха, и новое вино,
И радость, и печаль – всё, чем богато лоно

Земли, чем скуден гордый дух, —
Всё тлен. И каждой тле в нём уготован жребий,
И выбирая лишь одно из двух —
Из радостей земных и из печалей неба,

Рисуем оказаться на бобах —
Жизнь провести во времени и в стенах.
А в этом случае спасителен лишь крах
Иллюзий и карьер, падение со сцены.

«Вот тридцать три богатыря...»

Вот тридцать три богатыря
Волшебной силой приговора
Унесены – не за моря,
Не за Кудыкинскую гору —
За грань тюремного забора,

И вот уж на железных шконках
Храпят – и каждый видит сны:
Долины, горы и девчонки
В них сложно переплетены.

А им бы в пену погрузиться
Морскую, занырнуть до дна,
Отворотив скорее лица
От созерцания говна!

«Солнцепоклонники на лавках...»

Солнцепоклонники на лавках
Уселись около барака.
И на дворе – трава, и давка
На этих лавках. Возле знака,

Где «не курить!», там курят все.
И солнце на щеках, как бритва,
Чтоб встретили во всей красе
Мы новый день для новой битвы

За жизнь, свободу и семью,
Путь начиная им навстречу,
Садясь на солнечном местечке
На неподсудную скамью.

«Вот безупречный водоём...»

Вот безупречный водоём.
Как в небеса оконце,
Похожее на воду в нём,
Нам отражает солнце.

И дарит свет нам и тепло,
Не признанное миром,
Как опереточных мундиров
Палитра, словно ремесло

Астролога иль бизнес-гуру.
А нам приятно всё равно,
Мы громко радуемся сдуру,
Что там вода, а не говно.

«Обученный бежать в мешке...»

Обученный бежать в мешке
Идти не может по-другому,
Как кал лежит в прямой кишке,
А бомж в упор не видит дома.

Он в путах спутанным быть должен,
Пройти пытаясь сложный путь.
А из мешка, словно из кожи,
Не вырваться, не отряхнуть

Как пыль, как прах, ногам привычный.
Беги, пока бежишь – живой.
А цель – ничто, и рок – первичен,
И слепо властвует тобой.

«Луна висит над горизонтом...»

Луна висит над горизонтом,
Застыл, недвижим, циферблат,
Как часовой часов. И он-то
Остережёт заблудших чад

От неуместных здесь поступков
И не ко времени словес.
Он в этом равновесье хрупком
Имеет явный интерес.

Не начинайся, день, помедли!
Пока висит, как вечность, тьма,
У мыслящих целее стебли,
И дальше горе от ума.

На грани сна и горькой яви
Пусть балансирует восход,
Пусть тот, кто свыше, не оставит
Своих возлюбленных сирот,

Пускай, усталые, проснутся
Чуть позже, чем велит восход,
Пускай ночной свободой куцей
Хоть раз насытится народ.

«Воскресный день. Из серой тучи...»

Воскресный день. Из серой тучи
Над зоной капли H_2O ,
И от безделья нам не лучше.
Да и «дела» все у него —

У прокурора. Здесь – делишки:
Помывка, стирка, стрижка – ох!
Здесь самомнения излишки
Уходят, словно капли в мох.

Ещё до полдня не рукою,
Скорей верстою подавать,
Своё богатство вещевое
Выкладываю на кровать,

На шконку, то есть. Жив Курилка!
(Проснулся здесь и есть – воскрес).
Хотя вознёсся из могилки
Не в лучшем из возможных мест.

«Страстей и горестей неделя...»

Страстей и горестей неделя,
Напоминая о кресте,
Которым эры ныне делят
На до и после. Тех страстей,

Что призваны очистить души,
Как чистит ржавчину наждак.
А мы опять: чего б покушать,
Как разговееется бедняк.

Яйцо и есть нам Роза Мира —
Начала и концы таит
И сотворённого кумира
Несёт в Аид.

«Мать-мачеха – карикатура...»

Мать-мачеха – карикатура
На жизнь в тюрьме и вне тюрьмы.
Я падал на колени сдуру
Перед желтком цветка. Увы!

Национальную идею
Не там искали и не так:
Тут, на дворе тюремном, где я
Ей кланяюсь за просто так,

Мать-мачехе. И всем народом
Не можем разделить ту связь:
Одним лицом она свобода,
Другим, точнее мордой, – в грязь.

«Понятно, что конец апреля...»

Понятно, что конец апреля:
Мать-мачеха опять цветёт.
Да, жёрнов хоть неспешно мелет,
Муку хорошую даёт.

А мўки – в прошлом, злом и зимнем.
Оно пригвождено капелью,
Как басурман – крестом и гимном.
Мать-мачеха, конец апреля:

Дыши, на то тебе мандат
И выдан Росгидрометцентром,
И ты, как дурень сельский, рад
Обрывкам вечной киноленты.

«Скажи мне, сорная травинка...»

Скажи мне, сорная травинка,
Какой судьбой, какими ветрами
Занесена сюда, где *ФСИН*ка
Окрест на много километров

Владенья, где царит режим,
Несовместимый с мирной жизнью?
Смеются сорняки над ним,
И я смеюсь, пока не брызнет

Слеза, пока не жжёт глаза
Мне немощь русского народа
(Сентиментальность, что-то вроде),
Не понимая ни аза
В закономерностях природы.

«Мы отдаём ли в том отчёт...»

Мы отдаём ли в том отчёт,
Что Человеческому Сыну,
Не вылепленному из глины,
Всё ж глиною забили рот?

Нагорную впустив в пол-уха
(В игольное ушко – верблюду),
Апокрифические слухи
Пускали в иудейский люд.

Полюдьё словно половодьё
Захлестывало Израиль.
А речь его, как что-то вроде
Бикфордова шнура, фитиль,

К пороховой ведущий бочке,
Опасна. Посему Пилат
(Шлем – как пожарный), говорят,
Лил воду долго. (Авва, отче!)
Вода спасает грешных чад.

Неделя страсти человечесьей.
А бремя страсти не снести
Ни чистым ангелам, ни нечисти.

Мы видим станции в пути

По этой *Via Dolorosa*,
Где скорби протянулась нить.
И мы отходим от наркоза
И только начинаем жить.

«Листок, что от ветки на Марьиной роще...»

Листок, что от ветки на Марьиной роще
В роддоме явился на свет,
Летает по свету: то стонет, то ропщет,
То бедам готовит ответ.

Пусть будет их сотня, хоть чёрная стая,
Хоть пеплом забьёт небосвод,
Листок пригождается, где обитает,
Где русский прижился народ.

Листок, он не сдохнет – хоть толстый, хоть тощий,
Пусть Ирод ведёт хоровод,
Листок, что родился на Марьиной роще,
Весь высохнет, но не умрёт.

«Зреет год, как помидор...»

Зреет год, как помидор,
После Пасхи плод весомей.
Календарь, до этих пор
Тощий, тянет на два тома.

Повернётся нужным боком
К солнцу – и почти созрел.
Но до истечения срока
Годности как будто цел

Целый год, и жизнь, и вечность
Без уныния и страха,
Как Сын Человеческий
В Пасху.

«Когда он шёл к Ершалаиму...»

Когда он шёл к Ершалаиму,
Клонились ветви от листвы.
Гонимые – всегда гонимы,
Не защититься от молвы,

Хулы, хвалы, дурного слова,
Скрижалей, каменных на вид.
Он шёл, клонились ветви снова
Как извинения обид,

Прошедших, будущих, всегдашних.
С трудом даётся каждый шаг.
Мне от увиденного страшно,
От страха прячусь средь бумаг.

Но как ни комбинируй строфы,
Под форму подгоняя суть,
В конце пути всегда Голгофа,
И будет пройден скорбный путь.

«Будь академик или князь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.